

- Какая наглость! Как ты посмел поднять руку на этого молодого господина! — с трудом поднявшись, беспутный щеголь, весь в пыли, принялся осыпать Лин Си оскорблениями.

Лин Си стоял прямо, как бамбук, его высокая фигура и уверенное спокойствие, хотя он не произнес ни слова, намертво подавляли оппонента.

Люй Чжи испуганно потянул Лин Си за рукав. Он прекрасно знал, что им не стоит связываться с этим человеком. Он не знал, из какой семьи этот молодой господин, но отпрыск любой из них мог одним словом обречь их на несладкую жизнь.

У Лин Си было тонкое телосложение, но ростом он значительно превосходил Люй Чжи. Он стоял, словно могучий орел, укрывающий его под своим крылом, и невозмутимо произнес:

- Раз вы пришли принести извинения, то должны демонстрировать соответствующее отношение. Мы не можем принять подобного оскорбительного извинения.

Лин Си поднял мешочек с деньгами, который швырнули в Люй Чжи, и бросил его обратно, точно попав молодому господину в грудь. Тот, корчась от боли, широко раскрыл глаза и схватился за место удара.

Черт, как больно! Откуда у этого парня столько силы?!

Ярость, которая пылала в груди молодого господина, была мгновенно сбита броском Лин Си. Деревня была глухой, окруженной лишь дикими пустырями, и, будучи здесь только с кучером, он вдруг почувствовал, как по спине потек холодный пот. Говорят, что в бедных горах и недобрых водах водятся разбойники. Неужели ему так не повезло, что он напоролся на одного из них?

Если бы не эта злополучная встреча с почетным гостем его дяди, он бы ни за что не приехал в такую глушь, чтобы извиняться перед каким-то низким фуланом.

Молодого господина звали Ци. Его тетя вышла замуж за уездного магистрата Тяня, и их брак был образцовым и крепким. Благодаря этому молодой господин Ци с рождения был маленьким тираном, которого посторонние боялись обидеть. Он совершал подобные проступки не раз, поскольку всегда находился кто-то, кто покрывал его и зачищал следы. Он совершенно не беспокоился об этом. Кто же знал, что на этот раз все обернется так неудачно: его лихая езда в людном месте, из-за которой один фулан испугался и потерял ребенка, наделала столько шума, что каким-то образом дошла до ушей почетного гостя в резиденции уездного главы Тяня.

Когда гость мимоходом спросил об этом, уездный магистрат Тянь вспотел от ужаса и заверил, что немедленно отправит людей, чтобы разобраться. Выяснив, что виновником был родственник со стороны жены, он тут же сообщил об этом супруге и попросил ее выяснить все детали случившегося.

Мать молодого господина Ци сначала вообще не придавала этому значения. Она поговорила с супругой уездного магистрата, сведя большое дело к малому, а малое к ничему, и сказала, что происшествие, конечно, было, но к её сыну оно имеет лишь косвенное отношение. Мол, экипаж её сына просто случайно проезжал мимо того фулана, а тот фулан сам был слаб здоровьем и не смог сохранить ребенка. Как же можно винить в этом её сына? К тому же её сын по доброте душевной даже дал тому геру денег на лечение. Говоря это, она не преминула расхвалить своего сына за его доброе сердце, заявив, что его оклеветали, и что нравы, право, испортились, а человеческие сердца ожесточились.

Резкий голос женщины доносился из парадного зала. Под навесом, накинув поверх одежды лёгкий плащ, сидел крепко сложенный мужчина. Услышав это, он резко нахмурился.

- То, что она говорит, - правда?

Стоявший рядом телохранитель помог мужчине сесть на скамейку под деревом, чтобы отдохнуть:

- Господин, так уж совпало, что в тот день я был неподалеку. Позже я слышал от очевидцев, что этот господин Ци не только не проявил беспокойства о сбитом им человеке, но и нарочно разбросал деньги, спровоцировав давку, и совершенно не думал о жизни беременного фулана.

- Мерзавец! — мужчина ударил кулаком по каменному столу. Боль от раны на животе отдалась так сильно, что на его лбу выступил холодный пот.

— Господин, умоляю, не гневайтесь! — поспешно воскликнул стражник. — Ваши раны ещё не зажили, да и яд из тела не полностью выведен. Доктор Цинь тысячу раз просил вас держать эмоции в узде.

Он торопливо налил чашку чая и подал мужчине. Мужчина сделал небольшой глоток, увлажняя пересохшие губы. Взгляд его потемнел:

— Сколько разговоров было о том, какой этот уездный магистрат Тянь честный и справедливый... А по факту такой же, как все. Ещё и вздумал искать пути перебраться в столицу... Ему повезет, если я не сорву с него шапку чиновника.

Стражник попытался успокоить его:

— По моим наблюдениям за последние дни... Магистрат Тянь в мелочах действительно слеповат, но в больших делах умудряется отличить правду от лжи. Не великий талант, но в нынешней обстановке и такое - уже кадр.

Мужчина прекрасно понимал, что тот прав. Внутри империи раздоры, на границе - едва утихшие сражения. Он считал, что его нынешний выезд организован тайно... но всё равно

угодил в ловушку Пятого принца, да ещё и на его собственной территории. Рука у того чересчур длинная... Ничего, рано или поздно я их все обрублю.

Ветер шевельнул ветви ив. Будто вспомнив о чём-то, Нин-ван приподнял веки и спросил:

— Удалось ли найти следы Хо Цзюя?

Слуга Ван провёл большим пальцем по ножнам у пояса. В памяти вдруг вспыхнул силуэт среди толпы и так же быстро рассеялся. Когда-то, сразу после вступления в армию, до того как попасть под начало Нин-вана, он лишь служил новобранцем у деда Нин-вана. И именно тогда он впервые увидел того, кого позднее народ будет называть Богом Войны, а иноземцы - демоном: Хо Цзюя.

В те годы Хо Цзюй ещё не вышел из поры юности, лицо его было совсем молодым. Они вдвоём были новичками... но сходство между ними на этом заканчивалось. Хо Цзюй словно родился воином: в его глазах постоянно плескалась спокойная, не знающая страха перед смертью решимость. Поднимая и опуская клинок, он рубил хладнокровно и точно, в нём чувствовалась дикая, первобытная свирепость. Стоило ему вступить на поле боя, и он превращался в волка, вышедшего на охоту: пока цель не повержена, он не остановится. Тому, кто хоть раз видел Хо Цзюя, невозможно было спутать его с тем хромящим человеком в недавней толпе.

Божества не валяются в грязи.

— Нет, — ответил слуга Ван.

Ответ был ожидаем.

Нин-ван тяжело выдохнул:

— Этот Хо Цзюй словно скользкий угорь... Увеличьте поисковые отряды. Его нужно найти как можно скорее.

Он помолчал и добавил:

— Живым или мертвым.

Слуга Ван склонил голову:

— Слушаюсь.

- Кстати. Пройдись-ка и встряхни этого уездного магистрата Тяня. Если поймёт намёк, он ещё

может пригодиться. - пальцы Нин-вана, покрытые засохшей кровью, тихо постукивали по холодной каменной столешнице.

В тот же день уездный магистрат Тянь был напуган до холодного пота: его чёрная шляпа чиновника едва не слетела с головы. Какие уж там родственники, тут бы всю семью не погубить. Он рассказал жене, что происходит; и по мере рассказа её лицо бледнело всё сильнее. Стоило узнать, что из уст её собственной невестки не было ни одного правдивого слова, и что это едва не стоило им жизни, у неё потемнело в глазах.

Супруга магистра лично съездила к своим. Молодого господина Ци естественно отдубасили и выставили прочь: пусть едет в глушь и приносит извинения, иначе семье грозит беда.

Молодой повеса с детства привык, что все вокруг его носят на руках. Он полагал, что, явившись лично, он уже оказал великую честь, но никак не ожидал, что с этим грубым деревенщиной будет так непросто справиться. Этот беспутный молодой господин, выросший в атмосфере обожания, хоть и был полон злых умыслов, но не мог похвастаться умом. Лин Си раскусил его с одного взгляда.

- Должно быть, ты явился сюда не по велению совести, — с фальшивой улыбкой посмотрел Лин Си на молодого господина Ци. — Твоя семья узнала о твоих бесчинствах и заставила приехать. Если ты не справишься, то, боюсь, придется тебе приезжать и во второй, и в третий раз...

У молодого господина Ци загудело в голове. Кучер, услышав это, тоже счел это весьма вероятным и тихонько прошептал ему на ухо:

- Господин, на кону карьера уездного магистрата. Потерпите, прикусите язык и скажите что-нибудь помягче, иначе мы не сможем отчитаться по возвращении.

Молодой господин Ци кипел от ярости. Разумеется, он понимал, о чём говорил кучер, умом-то понимал, но одно дело осознать, а совсем другое - переступить через свою гордость и извиниться. С малых лет он всегда был в позиции силы, привык унижать других, и теперь, когда ему самому предстояло сдержать обиду и извиниться перед каким-то низкородным, это казалось невыносимым.

— Много ты понимаешь! — взбешённо выругался он и пнул кучера под зад, изливая раздражение. Затем, делая глубокие вдохи, стал мысленно настраивать себя.

С трудом изобразив на лице нечто, похожее на улыбку, он согнулся в поясе, протянул обеими руками мешочек с деньгами:

— В тот день я был неправ, не усмотрел за слугами, и они напугали этого фулана... Очень извиняюсь. Это скромный знак извинения, надеюсь, ты примешь.

У Люй Чжи от изумления отвисла челюсть - он остолбенел. Только что этот господин вёл себя высокомерно и дерзко, а теперь... извиняется перед ним?

Серебро в руках молодого господина Ци его не интересовало, он добивался не денег, а справедливости. Сколько бы лян тот ни предлагал, это не вернёт ему потерянного ребёнка. Но эти извинения... хоть немного, но сгладили боль в его сердце.

Спустя несколько мгновений Люй Чжи, всё ещё дрожащим голосом, с комом в горле, но стараясь держаться, произнёс:

— Идите... мне не нужно ваше серебро...

— Почему не нужно? Лекарства, питание, моральный ущерб... - всё это ты должен получить, — голосом, не терпящим возражений, Лин Си перебил Люй Чжи, ловко выхватив из рук господина Ци мешочек с деньгами.

На его лице промелькнуло выражение отвращения:

— Я-то думал, богачи всегда щедрые. Пятьдесят лян - сущие крохи, на грани приличия.

У господина Ци на лбу вздулись вены. Не стоит недооценивать эти пятьдесят лян, они ему кровью достались: минимум три месяца придется сидеть дома без развлечений. Одна только мысль об этом вызывала у него невыносимую тоску.

Какая бы у этого гера ни была внешность, с такой жадной душонкой только деревенщина может им прельститься. Когда он впервые увидел Лин Си, был поражён его красотой, но сейчас господин Ци готов был выругаться прямо ему в лицо. Впрочем, эти грубые люди больше не увидят его. Вернувшись домой, он снова станет безупречным и возвышенным наследником, а они, как и прежде, будут рыться в земле в поисках пропитания.

С этой мыслью гнев и досада в его груди постепенно улеглись. Он взмахнул рукавом:

— Всё, всё, пошли, живо домой. Этот молодой господин проголодался.

Молодой господин Ци снова забрался в экипаж и велел кучеру как можно скорее трогаться в обратный путь.

Лин Си провожал их взглядом, пока те не отошли на приличное расстояние, затем незаметно метнул из руки камешек. словно скрытое оружие, тот с точностью ударил по колесу. На разбитой деревенской дороге это осталось незамеченным. Лишь когда повозка оказалась в самой глуши, где ни деревни впереди, ни селения позади, и повернуть назад уже было некуда, колесо неожиданно отскочило, вся повозка перекосилась и вместе с лошадьми рухнула в канаву.

— Ай-яй-яй! — взвыл молодой господин Ци. Он упал так, что у него всё закружилось в голове, а перед глазами потемнело. Кучер в панике вскочил, бросился вытаскивать молодого господина, но тот оказался зажат в обломках - нога застряла, выбраться он не мог, а потому только бесился и яростно орал на беднягу.

Кучер же и сам был на грани. Сумерки уже подступали, ни души кругом, ни огонька вдали, а в последнее время тут, как назло, расплодилось разбойники. Крупные капли холодного пота градом катились у него по лбу. Оставалось лишь молиться, чтобы дома спохватились и послали на поиски.

Тем временем Лин Си протянул мешочек с деньгами Люй Чжи:

— Дядя Люй, возьмите, это вам.

Люй Чжи в растерянности уставился на увесистый мешок в руках, потом поднял взгляд на Лин Си. Спустя несколько мгновений, будто что-то для себя поняв, он снова вложил мешочек в ладонь Лин Си:

— Лин Си, ты уже дважды спасал меня: первый раз - когда вытащил из воды, второй - когда дал мне понять, что я имею право выбирать. А сегодня ты заставил этого выскочку извиниться передо мной... Всё это - то, о чём я и мечтать не смел. Спасибо тебе, Лин Си.

Он смотрел на Лин Си с искренней, мягкой теплотой, в голосе звучала твёрдость:

— На лечение ноги далана уйдёт много денег. Возьми эти пятьдесят лян. Вы с мужем дважды спасли мне жизнь, чем бы я ни отблагодарил вас, это будет справедливо.

Лин Си был поражён. Он слышал поговорку: «За каплю воды океан в ответ», но чтобы вот так сразу отдать всё, что у него есть... Простосердечие дяди Люй по-настоящему его тронуло.

— Одно не отменяет другого, — сказал он, возвращая мешочек. — Деньги на лечение брата Хо я сам заработаю, а это - ваше. Тем более вам сейчас самому нужны средства. Мы ценим ваше намерение, но принять не можем.

Но Люй Чжи решительно отказывался брать обратно. Он сжал губы, горько усмехнулся:

— Не скрою, если оставлю у себя, всё равно не сберегу. Лучше уж пусть пойдут на лечение далану.

Лин Си на мгновение замер - в этих простых словах было столько горечи. Одинокий гер с

крупной суммой при себе - это, в самом деле, небезопасно. Хоть в клинике, хоть в родной деревне - ради денег люди и не на такое идут, а подлецов везде хватает.

— Тогда я сохраню их для вас, — мягко сказал он, не продолжая отнекиваться.

На лице Люй Чжи, наконец, появилась улыбка:

— Не храни, а потрать. Лечение далана важнее всего.

Лин Си почувствовал, насколько искренни были слова Люй Чжи, в груди будто открыли бутылочку сливового вина: сначала щемяще-кисло, а потом разлилось тихое, согревающее тепло.

— Далану сначала нужно пропить несколько отваров, укрепить тело, — вспомнив наставления доктора Циня, Лин Си неуверенно почесал нос.

Люй Чжи в лекарствах не разбирался, но сразу закивал:

— Значит, надо слушаться доктора.

— Раз уж теперь с деньгами стало полегче, дядя Люй, вам, пожалуй, не стоит больше ходить в «Цзи Ши Тан». Может, лучше снять или даже купить себе дом в деревне? — предложил Лин Си.

Люй Чжи на секунду замер. Всё-таки по сравнению с чужим, незнакомым приютом, родная деревня, где он вырос, казалась куда надёжнее. Немного подумав, он твёрдо сказал:

— Пока сниму. Если узнают, что я могу себе позволить купить жильё, моя родня по матери опять начнёт мутить воду.

Когда тётки из семей Чжао и Лю узнали, что Люй Чжи решил остаться в деревне, радости их не было предела. А когда услышали, что он хочет снимать жильё, Чжао Даньгуй сразу заговорила по-хозяйски:

— Да что ж так сложно? Иди прямо ко мне жить и всё!

Люй Чжи, разумеется, не мог согласиться. Он вежливо, но твёрдо отказался и трижды поблагодарив Чжао Даньгуй за доброту. В итоге обе женщины проводили его к дому старосты, где он и арендовал жильё в домике, принадлежавшем старой У-апо.

Сын У-апо погиб на фронте, а муж ещё много лет назад ушёл в горы и там попал на медведя. С

тех пор в доме осталась лишь она одна. После того как один за другим умерли и муж, и сын, по деревне поползли слухи, будто у неё “тяжёлая судьба”, будто она “губит мужа и детей”, и большинство односельчан стали сторониться её.

Репутация у Люй Чжи тоже была не из лучших, так что жить вместе, присматривая друг за другом, оказалось вполне уместным решением. Домик оказался хоть и ветхий, но аккуратный, было видно, что У-апо человек трудолюбивый. Просто возраст уже не тот, тяжело по лестницам лазать. А у Лин Си как раз шёл ремонт дома, так что на следующее утро он захватил с собой инструменты, пришёл к ней и подлатал протекающую крышу, подчинил покаленную мебель - столы, табуреты, скамейки, всё заиграло как новенькое.

У-апо вся светилась от радости, не уставала хвалить Лин Си за усердие, за доброту, говорила, что Хо-далану с ним по-настоящему повезло. Люй Чжи поддакивал, и оба так расхвалили Лин Си, что у того уши вспыхнули от смущения. Чтобы сменить тему, он спросил:

— Дядя Лю, а где вы так хорошо научились делать вино?

Улыбка на лице Люй Чжи немного померкла, он опустил взгляд, ресницы дрогнули:

— Научился у покойного мужа...

Хотя в первый раз Люй Чжи вышел за вдовца, склонного к рукоприкладству, в этом несчастье нашёлся один неожиданный плюс - его муж умел варить вино. После свадьбы, когда у того не хватало рук на все дела, Люй Чжи стал помогать и со временем сам освоил ремесло.

— Кроме рисового вина, вы умеете делать какое-то ещё? — поинтересовался Лин Си, в точности угадав его прошлое. Он и раньше предполагал, что при таком бедственном положении семьи Люй Чжи вряд ли могли позволить себе отправить его учиться мастерству, значит, всё было перенято от кого-то близкого.

Люй Чжи на миг замер, потом кивнул:

— Обычно у нас пьют рисовое, жёлтое вино... А в ресторанах ещё продают фруктовое.

В голове Лин Си что-то щёлкнуло, глаза вдруг загорелись:

— А виноградное вино?

Люй Чжи невольно отвёл взгляд от его сияющего взгляда, растерянно покачал головой:

— Нет, такого не делал.

— “Виноградное вино в сияющей чашке, лишь потянулся, а всадник уже гнет струны пипы...”
— Лин Си с ходу процитировал, щёлкнув пальцами. Вот и способ заработать!

Люй Чжи не понял смысла этих строк, но сам голос, манера речи, лёгкость, с которой они были произнесены, пробудили в нём искреннее восхищение. Лин Си казался ему куда более утончённым и образованным, чем все те ученые, что доводилось встречать в уезде. И взгляд его, устремлённый на Лин Си, стал ещё почтительнее.

— Дядю Люй, давайте вместе займёмся бизнесом, — Лин Си обернулся и протянул руку к Люй Чжи.

Тот будто попал под чары - ни секунды не раздумывая, сразу ответил:

— Давай.

<http://bllate.org/book/13580/1204875>